

ХАНС КИССЛИНГ
БЕРТОЛЬД ШПУЛЕР

ВЕЛИКИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ИМПЕРИИ

История исламских государств
Ближнего Востока,
Центральной Азии
и Африки

Бертольд Шпулер

**Великие мусульманские
империи. История исламских
государств Ближнего Востока,
Центральной Азии и Африки**

«Центрполиграф»

1969

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

Шпулер Б.

Великие мусульманские империи. История исламских государств Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки / Б. Шпулер — «Центрполиграф», 1969

ISBN 978-5-9524-5440-8

В книге отражены научные взгляды ведущих европейских ученых-востоковедов на историю мусульманских империй в XV—XIX вв. Наряду с исследованиями, посвященными взлету и падению великих держав и правящих династий Ближнего и Среднего Востока, рассмотрены процессы, происходившие на периферии исламского мира. Так, профессор Бертольд Шпулер описывает продвижение ислама на север, анализирует положение дел в Бухарском ханстве, Коканде и Хиве при поздних Тимуридах. В книгу также включены материалы, посвященные становлению государств Северо-Западной и Экваториальной Африки, истории Ирана в период правления династии Сефевидов и последним трем векам независимости Индии при Великих Моголах.

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5440-8

© Шпулер Б., 1969
© Центрполиграф, 1969

Содержание

Османская империя до 1774 года	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ханс Кисслинг, Бертольд Шпулер
Великие мусульманские империи.
История исламских государств Ближнего
Востока, Центральной Азии и Африки

HANS J. KISSLING
DERIOLD SPULER

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Османская империя до 1774 года

Как возникла Османская империя? Несмотря на ценные исследования востоковедов из многих стран, из-за самых разнообразных аспектов однозначного ответа на этот вопрос не найдено. Старые османские источники по сути своей являются наполовину сказочными, и факты в них зачастую невозможно четко отделить от легенд и преданий. На основании ранних хроник, которые по форме и содержанию больше всего напоминают жизнеописания мусульманских святых, очень трудно, а зачастую и вовсе невозможно составить точное представление об историческом контексте событий.

Даже вожди тюркских кочевых племен, считающиеся предками будущей династии османских завоевателей, являются весьма туманными легендарными персонажами, едва ли претендующими на историческую идентичность. Первый из них – Сулейман, который, согласно традиционному преданию, мигрировал на запад во главе племени из 50 000 человек – натиск орд Чингисхана вынудил их покинуть свои дома в Хорасане. Утверждают, что они вторглись в регион между Эрзинджаном и Ахлатом в восточной части Малой Азии и вели там кочевой образ жизни в течение семи лет. Затем двинулись дальше, на этот раз в восточном направлении, из-за перемен на политической сцене после смерти Чингисхана и поражения хорезмшаха от рук сельджуков Рума. При переходе верховьев Евфрата в 1231 году Сулейман утонул. После его внезапной смерти племя раскололось. Одна часть мигрировала в Сирию, другая осталась в Малой Азии, где также вела кочевую жизнь. Сын Сулеймана Эртогрул также характеризуется как вождь кочевников. Утверждают, что он, один из четырех братьев, добился известности в османской историографии. Сначала он с несколькими сотнями семейств обосновался в районе к востоку от Эрзерума, но впоследствии решил найти более безопасное и богатое жилище во владениях сельджуков Рума, которыми тогда правил из Коньи султан Аладдин II (Ала ад-Дин). Благоприятная возможность представилась, когда Аладдину стали угрожать могущественные монгольские орды, и Эртогрул, придя на помощь, избавил его от угрозы. Таким образом, он поступил на службу к сельджукам как феодальный вассал и стал правой рукой султана. В качестве фьефов он получил доманиковые горные пастбища и территорию Эрмени для летней кочевки, а долину Сегюта – для зимовки. Такова суть старых османских источников. Помимо множества фантазий, они могут содержать и некоторую долю правды. В рамках этой книги мы не станем их оценивать, равно как и обсуждать связанные с тюркскими кочевниками проблемы краха государства сельджуков в Малой Азии и подъема на его руинах мелких тюркских государств.

Согласно традиции, османская династия была основана сыном Эртогрула Османом, родившимся около 1258 года. Современные ученые расходятся во мнениях, было ли это имя, которое пишется *Uthman*, последующей арабизацией изначально чисто турецкого имени. После смерти отца в 1289 году Осман стал старомодным гази, то есть героем веры, активным участником военных действий на границе. В это время он уже был правителем Вифинии. Тесть Османа, шейх дервишей Эдебали, опоясал его мечом ислама. Вдохновленный мечтой о мировом господстве своего потомства, Осман начал джихад – священную войну против византийских христиан. К нему присоединились многочисленные воинственные верующие, которых он организовал по принципу братства дервишей. Также под его знамена встали гильдии ремесленников и торговцев, известные как ахи, которые были аналогично организованы и еще раньше заняли влиятельное положение в делах сельджуков Рума. Безрассудно агрессивный дух новых рекрутов, вероятно, был важным фактором великих османских побед; однако их вклад в строительство османского государства, скорее всего, преувеличен. Как бы то ни было, Осман сумел создать в своем новом государстве на северо-западе Малой Азии адекватную социальную и административную структуру. Гази использовались в военной, а ахи – в экономической дея-

тельности. Бюрократические и, в первую очередь, финансовые функции в этот период, судя по всему, выполнялись главным образом христианами и евреями. Образовательные и культурные задачи доверялись исламским правоведам, которые одновременно выполняли социальную функцию священнослужителей.

В 1288 году Осман отвоевал у византийцев город, который греки называли Мелангия, а турки – Караджа-Хисар, и создал там свою первую столицу. Приток газа из всех регионов и племен турецкой Малой Азии избавил его от забот о живой силе. В Караджа-Хисар были постройки, необходимые для выполнения исламских обрядов – христианскую церковь превратили в мечеть. Отправление правосудия, контроль за рынками и другие функции были поручены компетентным чиновникам. Говорят, Осман лично нередко выступал третейским судьей и прославился своей беспристрастностью.

Хотя в принципе пограничные территории находились в состоянии постоянной войны, на практике враждебные действия приходилось время от времени приостанавливать. Во время таких более спокойных периодов между противоборствующими сторонами поддерживалось вполне мирное общение. Утверждают, что Осман сохранял сердечные отношения с отдельными представителями византийской знати. Самыми видными из них были правитель Биледжика и еще один сановник, впоследствии перешедший в ислам, – Кёсе Михал. Впрочем, у Османа не было недостатка в доброжелателях на мусульманской стороне границы. Представляется, что после захвата города Караджа-Хисар он наслаждался почти семью годами постоянного мира, но в эти спокойные годы не утратил прежнего боевого духа. Вскоре это первым почувствовал правитель Биледжика. Завидуя Осману, он объединился со своим будущим зятем, правителем Ярхисара, в предательском заговоре, имевшем целью убить их сюзерена на свадебном пиршестве в честь брака последнего с его дочерью Нилюфер. Благодаря верному Кёсе Михалу, Осман вовремя узнал о заговоре. Внезапной атакой он взял замок Биледжик, захватил ничего не подозревавшего жениха по пути из Ярхисара и увез красавицу Нилюфер, которую позже отдал за своего сына Орхана. Он также взял Ярхисар и еще один замок, называемый Инегёль. Положение Османа в его владениях существенно укрепилось после захвата одним ударом трех важных крепостей. Его подчиненному положению – вассала сельджукского султана Аладдина II – наступил конец после 1300 года, когда монголы наконец разрушили государство сельджуков Рума. Поскольку они не делали попыток расширить свое господство на северо-запад Малой Азии, где находились владения Османа, он продолжал править и даже расширял свою территорию без вмешательства ильханов Тебриза. Таким образом, датой рождения Османской империи можно считать то или иное время сразу после 1300 года, когда Осман стал, по сути, независимым. Чаще в качестве даты ее рождения указывают 1288 или 1290 год, когда был захвачен Караджа-Хисар, где Осман заявил о своей независимости, побудив упоминать его имя в пятничной молитве.

В самом конце XIII века или в начале следующего Осман реорганизовал свое правительство. Он дал Караджа-Хисар в качестве фьефа своему сыну Орхану, сделал Енишехир своей столицей и после этого сосредоточил всю свою энергию на дальнейшей экспансии к Мраморному морю и городу Никея, расположенному на его восточном заливе. Плачевное состояние византийских замков и низкая мораль гарнизонов – все это усугубилось катастрофическим наводнением, вызванным разливом реки Сакарья, – облегчило продвижение Османа, которому византийцы и их каталонские наемники под командованием Рожера де Флора не могли оказать серьезного сопротивления. В 1301 году византийцы потерпели серьезное поражение в районе Коюнхисара. Шестью годами позже было преодолено совместное сопротивление правителей Эдреноса, Маденоса, Кете и Кестеля (византийские замки в районе Бурсы), и в 1308 году Осман смог с помощью своего друга Кёсе Михала обойти с фланга византийские пограничные крепости на Сакарье. На южной границе монгольская угроза была отражена его сыном Орханом, который тем самым доказал, что является достойным наследником трона. Следующей

целью Османа стал город и регион, впоследствии получивший название Коджаэли, к западу от Сакарьи, и Осман, не колеблясь, поручил эту задачу Орхану, который с помощью ветеранов гази достиг полного успеха. Это завоевание позволило Осману угрожать Никее (Изнику), самой важной византийской пограничной крепости, а также Прусе (Бурсе). Замки, окружавшие Никей, были захвачены один за другим, и город, оказавшийся окруженным со всех сторон, был медленно, но верно подавлен. Примерно такая же тактика использовалась в Бурсе. Осман создал в непосредственной близости от города несколько хорошо укрепленных фортов, откуда гази под командованием Орхана и других храбрых военачальников, таких как Кёсе Михал и Конгур Альп, вели длительную партизанскую войну. Прошло десять лет, прежде чем Орхан смог в 1326 году доложить умирающему отцу, что Бурса добровольно открыла ворота. Командир ее гарнизона после падения Эдреноса решил выплатить ему 30 000 золотых монет в обмен на безопасный уход. Таким образом, Бурса стала османской без кровопролития. Орхан, теперь правитель государства, основанного Османом, сделал Бурсу своей столицей, и там были погребены останки его отца. Этот «Зеленый город», «Колыбель османов» стал местом последнего упокоения монархов османской династии от Османа до Мурада II; Мехмед II и султаны, правившие после него, были похоронены в Стамбуле.

Прежде чем перейти к событиям, имевшим место во время правления Орхана (1326–1359), следует сказать несколько слов о религиозной ситуации в молодом османском государстве; проблемы религии еще долго влияли на его развитие. Верования, которых придерживались его мусульманские обитатели, были скорее массовыми, чем ортодоксальными, с заметными чертами шиизма. Хотя сунны пророка и его сподвижников почитали, люди чувствовали симпатию к шиитским имамам, которых считали законными преемниками Мухаммеда. Также широко распространилась тенденция сохранять и ассимилировать практики более ранних религий. При таких обстоятельствах часто возникали и процветали секты. Быстро распространившиеся ордена дервишей были особенно влиятельными в армии, в гильдиях ремесленников и торговцев, а также у населения. Естественно, ортодоксальные улемы (высокопоставленные религиозные деятели) не любили и старались держаться в стороне от таких движений. Со временем взаимная отстраненность переросла в яростную вражду, иногда усиливавшуюся экономическими причинами, которые спровоцировали множество кровавых столкновений в ходе османской истории. На этой ранней стадии, однако, представители ортодоксии не были агрессивными, и в результате проповедники суфии и ордена дервишей получали свободное покровительство первых султанов. Они строили монастыри, устраивали кухни для бедноты и занимались другой благотворительностью.

Орхан строго следовал заветам своего покойного отца Османа, который, говорят, особенно настаивал на том, чтобы королевская власть никогда не делилась. Возможно, ему было известно из истории, как часто подобное деление приводило мусульманские государства к краху. Брат Орхана Аладдин был покорен последней воле отца в этом аспекте и принял требование нового правителя стать главным государственным функционером, то есть визирем. Ему приписывают проведение важных реформ и создание определенных типично османских институтов. При Османе, который был, по крайней мере номинально, вассалом сельджукского султана Рума, в обращении были монеты сельджуков Рима. При Орхане настало время создать чисто османские денежные единицы. Аладдин взял на себя техническую часть этой операции. Серебряная монета, известная как акче, была отчеканена по образцу византийского аспрона и введена в обращение с 1328 года. Это событие имело как политическое, так и экономическое значение. Выпуск собственных монет и упоминание имени правителя в пятничной молитве являлись традиционными мусульманскими символами независимости. Другим мероприятием Аладдина стало регулирование костюма. Теперь разные нации и классы должны были носить различные одежды. Этот древний восточный обычай Аладдин применил в османском социальном контексте. Даже больше чем униформа в современных обществах, костюм и особенно

головной убор обладали до недавнего времени очень большой важностью на Востоке, где целые сообщества, классы и народы отличались по цвету или форме костюма или головного убора. При Орхане и его преемниках типичным турецким головным убором была белая войлочная (фетровая) шляпа. Белый цвет также считался королевским. Но костюмы придворных оставались разнообразными. Главной задачей Аладдина было преобразование армии. Ранее она состояла в основном из кавалерии, самого востребованного рода войск при Османе, когда внезапная атака и быстрое отступление были основными тактическими приемами воинов гази. В последующие годы сословие всадников, командование которыми переходило от отца к сыну в династии Кёсе Михала, утратило свое главное значение. Кавалеристы были сгруппированы в крупные передовые штурмовые отряды акынджей. Их главная задача – стремительный налет на вражескую территорию, захват добычи, распространение хаоса и террора. Название «налетчики и поджигатели», данное им в некоторых западных хрониках, вполне заслужено. Кроме кавалерии, теперь был создан пехотный корпус. Поскольку пехотинцы (*яя или пияде*) получали регулярную плату, можно сказать, что на этом раннем этапе османское государство получило постоянную армию. Многие авторы утверждают, что при Орхане появился корпус янычаров. Доподлинно это неизвестно. Представляется более вероятным, что он возник в своей характерной форме при Мураде II, и потому о нем мы поговорим позже.

Рудименты феодальной системы, на которые предстояло опираться османской имперской структуре, уже видны в рассказах о правлении Орхана. Новые завоеванные земли выдавались заслуженным воинам, которые в обмен на их использование брали на себя обязательство снабжать правителя определенным количеством полностью оснащенных всадников во время войны. Эти земли по размеру подразделялись на маленькие наделы – тимары, крупные наделы – зеаметы, а позже также очень крупные наделы – хассы. Существовало нерушимое правило, что эти наделы зависят от службы и не должны быть наследственными. Намного позже, когда империя пришла в упадок, в этой системе появились всевозможные злоупотребления. На самом деле ее разложение явилось одной из основных причин краха Османской империи. Трудились на феодальных полях в основном райя – христиане с завоеванных территорий. Согласно традиционным исламским принципам, эти немусульманские подданные должны были платить общепринятые налоги и отдавать долю урожая, но зато имели возможность свободно отправлять свою религию. По мере османской экспансии эти принципы далеко не всегда строго соблюдались. К примеру, некоторые группы райя периодически освобождались от налогообложения взамен на контрактную службу, такую как охрана важных горных проходов, имперских лесов или охотничьих угодий. Возникает вопрос, было ли христианским крестьянам хуже при турках-мусульманах, чем при их прежних христианских хозяевах? Хотя условия, несомненно, в разных местах в разное время были разными, представляется очевидным, что многое из написанного ранее о турецком угнетении христианского крестьянства – вымысел.

В четвертой декаде XIV века имели место важные новые завоевания. Защитники Никеи, уставшие от постоянной партизанской войны, предпочли в 1330 году отказаться от борьбы и сдаться, и войско, посланное впоследствии из Константинополя, не смогло вернуть город. Около 1333 года османская власть распространилась в северном направлении, благодаря завоеванию Гейнюка, Таракчи и Модрена войсками под командованием Сулеймана, сына Орхана, который приобрел известность, активно помогая отцу в этой кампании. Затем внимание Орхана привлекло тюркское государство Карасы (в древности Мизия), где сыновья покойного правителя начали борьбу за власть между собой, пользуясь сложившейся ситуацией. Орхан вторгся на территорию и в 1336 году аннексировал ее, получив стратегически важный город Бергама и районы, расположенные вглубь территории от Дарданелл. С этого времени он начал предпринимать периодические попытки ступить на европейскую почву – то есть вторгнуться во Фракию, – но это были скорее стихийные рейды мародеров, чем спланированные экспедиции. Орхан знал, как заставить себя уважать. Византийский император Иоанн Кантакузин

старался поддерживать с ним хорошие отношения, и в 1346 году два правителя заключили договор дружбы. Чтобы связь стала еще прочнее, император отдал Орхану в жены свою дочь Теодору. Таким образом, Орхан, благодаря браку, приобрел родственные узы с римским императорским домом.

У Орхана было два очень способных сына – Сулейман, о котором уже упоминалось, и Мурад. Сулейман должен был вести османское наступление на Европу, а Мураду, фьефом которого была провинция Бурса (впоследствии названная Хюдавендигяр – то есть королевская провинция), предстояло стать преемником отца. Некоторые авторы неверно называют Сулеймана «султаном», причем утверждают, что он был первым султаном. Но он умер раньше своего отца и при жизни был кронпринцем. Между тем утверждают, что он выпустил собственную монету.

Орхан и Мурад потратили много усилий на украшение Бурсы, которая до сегодняшнего дня сохраняет облик типично османского города, и на поддержку культурной жизни. Строились мечети, школы по изучению Корана, бани, караван-сарай и общественные кухни. Благодаря этому в городе процветали архитектура и ремесла. Ордена дервишей также продолжали развиваться. В Бурсе похоронены, наряду с ранними султанами, известные государственные деятели, такие как Чандарлы Халил, которого многие считали основателем корпуса янычаров.

Договор о дружбе Орхана и византийского императора не помешал его сыну Сулейману вмешаться в византийские внутренние беспорядки, так же как и воспользоваться преимуществом хаоса, вызванного землетрясением, чтобы высадить небольшой отряд отважных *гази* на полуостров Галлиполи. Возможно, в 1354 году они переправились через пролив из Малой Азии на плотках и захватили сначала прибрежный форт Цимпе (позже Чименлик), а потом город Каллиполь, или Галлиполи (по-турецки Гелиболу). За ними последовали другие отряды *гази*, и очень скоро Сулейман стал хозяином всего полуострова, которым, судя по всему, правил автономно. Дальние набеги его людей сеяли панику во Фракии. Годы 1354–1358 могут считаться зарей новой исторической эпохи, поскольку именно в это время у турок-мусульман появился оплот в Европе. В 1358 году храбрый кронпринц был сражен метким ударом судьбы. Он пал жертвой несчастного случая во время охоты на Булаирском перешейке. Услышав новость о смерти Сулеймана, его брат Мурад поспешил к Галлиполи, чтобы продолжить выполнение задачи завоевания Балкан. Их отец Орхан умер в 1359 году.

Мурад I (правил в 1359–1389 годах) был первым османским правителем, принявшим титул султан. Его предшественники назывались беками – это тюркский эквивалент эмира. Его правление, так же как и правление его преемника, стало драматическим периодом, полным кровопролитных кампаний и завоеваний в Юго-Восточной Европе. Все это заслуга тюркских воинов, которые хлынули в Европу. Старый социальный порядок, раньше обозначенный в общих чертах, но малоизвестный в деталях, все еще мог достигать великих триумфов. Высший класс пока оставался преимущественно тюркского происхождения. Только позднее, начиная с правления Мурада II, чужеземные ренегаты приобрели влияние за счет старых феодальных семейств. Усиленное и организованное всевозможными реформами, османское феодальное общество сформировало прочную основу для новой империи и выдержало проверку временем в будущих веках. Политические условия на Балканском полуострове также благоприятствовали политике экспансии Мурада I. Болгарское царство Шишманидов было таким же слабым, как остаток Византийской империи, а в Сербии, которая при Стефане Душане была могущественным государством, после его смерти в 1355 году начались общественные беспорядки. Разделенные взаимным недоверием и ослабленные враждой и беспорядками, балканские коалиции, периодически образовывавшиеся, чтобы противостоять уверенным и дисциплинированным османам, были обречены на неудачи.

Прежде чем позволить своим силам увязнуть в балканских делах, Мураду I надо было разобраться с проблемами в Анатолии, особенно в Анкаре (Ангора, древняя Анкира). Этот

город был включен в османские владения принцем Сулейманом и после смерти Орхана попытался сбросить османское иго. С молниеносной скоростью Мурад напал на Анкару и подавил восстание, начатое местным братством ахи при поддержке соседей из Карамана. Обезопасив тыл, султан мог начать претворение в жизнь амбициозного плана завоевания Балкан. Наступление началось с вторжения во Фракию из Галлиполи. Успех был достигнут в значительной степени благодаря высокой эффективности военачальников Мурада, в первую очередь Лала Шахина, Тимурташа, Хаджи Ильбеги и Эвреноса. Византийцы теперь ощутили на себе всю мощь завоевателей. Города и крепости сдавались один за другим. В 1360 году хорошо защищенный город Дидимотихон (Димотика) был потерян в результате успешной хитрости, примененной турками; несколько лет он оставался резиденцией их правительства. В 1362 году Лала Шахин захватил ключевой город Адрианополь (Эдирне), который до сегодняшнего дня остается турецким и являлся столицей Османской империи более ста лет (1365–1453). Османское наступление продолжалось вдоль долины Марицы до подножия Балканского хребта. Лала Шахину принадлежит заслуга взятия Филиппополя (Филибе, Пловдив). Его коллега Тимурташ стал завоевателем земель на востоке, вокруг Загры (1363), Ямбола (1363), а позже Кызылагача. Султан лично с триумфом вошел в города Айтос и Карнобат (1366). Южная Фракия стала жертвой Эвреноса, который после захвата Кешана и продвижения почти до Гюмюрджины (Комотины) управлял регионом из Ипсалы, недалеко от устья Марицы.

Западный христианский мир отреагировал очень мягко на эти тревожные события на юге Восточной Европы. Папа Урбан IV попытался выдвинуть идею нового крестового похода, но жаркий пыл прежних веков уже погас. В 1365 году город-государство Рагуза на Адриатике с готовностью заключил торговый договор с султаном Мурадом. Только савойский граф Амадей VI по прозвищу Зеленый Граф (Conte Verde) имел достаточно отваги, чтобы выступить с безнадёжной миссией освобождения оплота христианского мира – Константинополя, оказавшегося под угрозой. После успешной высадки на Галлиполи и продвижения вглубь территории он обнаружил, что византийцы не желают согласовывать с ним свои планы, и отступил (1366). Восточная Фракия тоже попала в руки османов. Когда это произошло, в точности не известно, но, вероятнее всего, в 1360–1361 годах. Эти завоевания Мурада I и его военачальников привели к полной изоляции Константинополя от Западной Европы и к фактическому, хотя и не формальному концу византийской независимости.

В 1371 году, когда султан был снова занят в Анатолии, сербский правитель Вукашин попытался остановить османское наступление, но в тяжелом сражении при Черномене сербы потерпели поражение от войска Хаджи Ильбеги и были вынуждены покинуть свои македонские провинции. Хаджи Ильбеги не прожил достаточно долго, чтобы насладиться плодами этой победы: он был предательски отравлен по наущению соперничавшего с ним военачальника. Возможно, это был Лала Шахин, который впоследствии в 1382 году завоевал Софию, а в 1386 году – Ниш.

Тем временем в Малой Азии дела Мурада I были не так блестящи, как в Европе. В 1381 году он аннексировал княжество Хамид на западе Тавра, но далеко не самая значительная война с египетскими мамлюками на киликийской границе шла для него неблагоприятно, и он был вынужден временно уступить Анталию (Адалию) франкскому королю Кипра. Однако он приобрел другую анатолийскую территорию, Гермиян, благодаря браку одного из своих сыновей, Баязида, с принцессой ее прежнего правящего дома. Но его власть в этих регионах оказалась под угрозой, когда его старший сын Савчи восстал против него, объединившись с турецким правителем Карамана и византийским принцем. Мураду пришлось возглавить кампанию против бунтовщиков, которая завершилась в 1386 году его победой у Коньи. К этому времени европейские провинции Османской империи снова охватили беспорядки. Болгарский царь Шишман III – между прочим, один из зятьев Мурада – воспользовался занятостью султана в Анатолии и присоединился к сербам и боснийцам в трехсторонней антиосманской коалиции.

В битве при Плочнике объединенные силы сумели разгромить доселе считавшиеся непобедимыми войска Лала Шахина. Турки мстить не спешили. Через год их военачальник Али-паша, отпрыск известного рода Чандарлы, прошел через Балканский хребет к воротам Тырново и Шумена и нанес поражение болгарам, царь которых Шишман III был теперь вынужден принять статус вассала-данника султана и обещать сдать крепость Силистра на Дунае. Позже он сделал еще одну попытку сбросить османское господство, и ему снова повезло сохранить свою жизнь и трон. В следующем году имело место испытание сил, решившее судьбы Балканской Европы на много веков вперед. Сербь вступили в новый союз со своими боснийскими, венгерскими, болгарскими и албанскими соседями. Мурад I, понимая, какой суровый вызов ему бросили, выступил против них лично во главе армии, которую специально для этой кампании укрепил вспомогательными частями из Малой Азии. В День святого Вита, 20 июня 1389 года, османы и объединенные балканские армии встретились на исторической равнине, известной как Косово поле. После множества всевозможных перипетий сражение завершилось убедительной победой турок над сербами, которых покинули союзники. Их царь Лазарь попал в плен и был казнен. Османский султан тоже встретил свою смерть в этот день. Его убил серб по имени Милош Обилич. Тридцатилетнее правление Мурада I запомнилось в основном благодаря его европейским завоеваниям, но он также отличился строительными достижениями, в первую очередь в Бурсе, где были построены прекрасные мечети и вспомогательные сооружения, такие как школы для изучения Корана и кухни. Его военачальники и высшие чиновники соперничали друг с другом в возведении религиозных учреждений. Считается, что Лала Шахин обучил жителей Восточной Европы искусству выращивания риса. Этим занимались в основном в долине Марицы, и сначала этот продукт доставался только мусульманам, но потом его было позволено употреблять и христианам.

Могущество ранней Османской империи, в основном созданное Мурадом I, не только сохранялось, но и возросло при его сыне Баязиде I (правил в 1389–1402 годах). Это был суровый, воинственный человек, уже имевший немалый опыт военных действий. На равнине Косово он отличился, командуя правым крылом. Поскольку его любимой тактикой было нанесение внезапных молниеносных ударов, современники прозвали его Йылдырым – Молниеносный. Задача, стоявшая перед ним, – он ее ясно понимал – заключалась в продолжении и укреплении работы его отца. Он с ней хорошо справлялся, и империя благополучно пережила катастрофу, обрушившуюся на нее в 1402 году, и последующие десять лет беспорядков. На протяжении всего этого периода монархи дома Палеологов в Константинополе оставались фактически османскими вассалами. Это стало очевидно в 1390 году, вскоре после восхождения на трон Баязида, когда император Мануил под давлением султана принял с ним участие в завоевании Филадельфии (Алашехира), последнего греческого владения в Малой Азии. В Европе следующей целью османов было завершение покорения Болгарии и Восточной Фракии. Древний город Тырново, где короновались болгарские цари, сдался Баязиду 17 июля 1393 года. Последнее противостояние, в котором выдающуюся роль сыграл отважный патриарх Евфимий, не смогло изменить судьбу болгарского народа, которому предстояло шесть веков османского господства. Османские силы в ходе военных действий захватили важные плацдармы за Дунаем. Баязид на раннем этапе своего правления также вел военные действия с принцами, которые правили частями прежних сельджукских владений в Анатолии. В 1391 и 1392 годах он аннексировал Алашехир, Айдын, а также Аясолук (Эфес), Сарухан, Текке, Ментеше, Бейшехир и Карахисар на западе и юге. Вскоре после этого к нему перешли Османсик, Кастамону и Амасья на севере. Ему пришлось поспешно отправиться в Европу, когда на его территории к югу от Дуная вторгся валахский господарь Мирча Старый, который, вероятно, действовал совместно с некоторыми турецкими принцами, в первую очередь правителем Амасьи. Тяжелое сражение на Аргеше летом или осенью 1393 года завершилось неблагоприятно для валахов, и Мирче пришлось смириться со статусом вассала и обязательством платить дань, отказавшись

от независимости страны. Другое приращение территории в Малой Азии имело место, когда города Токат, Сивас и Кайсери попросили защиты султана от планов местного поэта-принца Бурханеддина и признали верховную власть османов. В 1394 году Баязид, таким образом, стал бесспорным хозяином огромной империи, протянувшейся от Ниша до Восточной Анатолии, между которыми оставался только небольшой, но очень важный анклав – Константинополь. Не без оснований считая себя одним из самых могущественных восточных правителей, Баязид посчитал нужным утвердить свою позицию, получив от современного аббасидского марионеточного халифа в Каире документ, формально дающий ему титул «султан Рума», то есть правитель восточных римлян – жителей Константинополя. Дискуссионный вопрос о семилетней осаде Баязидом Константинополя (1394–1401) здесь обсуждаться не будет. Многие ученые сомневаются, была ли эта осада вообще. Вероятнее всего, регулярной военной операции все-таки не было, а сложилось положение дел, которое сегодня назвали бы холодной войной, причиной которой стало упорное сопротивление Палеолога условиям, навязанным ему, как фактическому вассалу османов. Скрытая блокада, несущая экономический крах городу, расположенному в месте соприкосновения двух гигантских османских территорий, являлась очевидной политикой в таких обстоятельствах.

Военные успехи Баязида вызвали большую тревогу среди христиан Западной Европы и, похоже, на какое-то время возродили дух крестоносцев. Венгерский король Сигизмунд возглавил армию переполненных энтузиазмом, но не имевших военной подготовки христианских воинов, и отправился из Буды к Никополю, османской крепости на болгарской стороне Дуная, которую они осадили. Из-за постоянных разногласий командиров этой армии Баязид сумел 27 сентября 1396 года разбить ее, и Сигизмунду пришлось преодолеть немалые трудности, чтобы вернуться домой. Убийство военнопленных было осуществлено по приказу султана. Баварскому рыцарю Иоганну Шильтбергеру удалось выжить. Он пережил множество опасных приключений среди турок, монголов и мамлюков, а также в Константинополе и, вернувшись домой, написал книгу мемуаров, завоевавшую популярность. Говорят, что османские войска, преследовавшие крестоносцев, дошли в западном направлении до Штирии. Франкские правители, в те времена удерживавшие большую часть Греции, были наказаны за свои симпатии к крестоносцам рядом энергичных турецких набегов. Триумфальная карьера Баязида, однако, после этого довольно скоро прервалась. Он продолжил политику экспансии в Малой Азии, разгромил правителя Карамана и других правителей, однако эта политика привела его к конфликту с могущественным центральноазиатским завоевателем Тимуром (Тамерланом). Свергнутые принцы поспешили в лагерь Тимура и настроили его против алчного османского султана. Нападение Баязида в 1400 году на правителя Эрзинджана, мусульманского принца якобы армянского происхождения, признавшего верховную власть Тимура, явилось поводом для войны. Сначала Тимур отомстил, разграбив город Сивас и уничтожив его османский гарнизон. Ему все еще приходилось думать об обеспечении безопасности своего южного фланга от угрозы мамлюков Сирии. В 1402 году он вернулся в Малую Азию. Известная битва при Анкаре (Ангорская битва) имела место 20 июля. С самого начала Баязиду не сопутствовала удача, потому что моральный дух его армии не был высок. Его мусульманским войскам не хватало фанатизма в братоубийственной войне со своими собратьями по вере, да и большинство рекрутов с аннексированных территорий в душе оставались преданными своим прежним правителям. А христианские вспомогательные части втайне радовались тому, что султану будет преподан урок. С разгромленным и взятым в плен Баязидом Молниеносным Тимур сначала обращался вполне по-рыцарски, однако после попытки побега его стали возить в железной клетке. Пленный османский султан умер в неволе 8 марта 1403 года, причем, согласно некоторым источникам, от своей руки.

Несмотря на увлеченность Баязида I военными делами, он не пренебрегал искусством и литературой. Согласно традиции, он жертвовал в религиозные фонды, возводил здания, среди

которых можно назвать большую мечеть и школу по изучению Корана в Бурсе. Он был на дружеской ноге с богословами и покровительствовал поэтам и ученым.

Османская империя получила при Анкаре смертельный удар. В анатолийских провинциях, аннексированных Баязидом, Тимур восстановил прежних правителей и от всех мусульманских принцев Малой Азии получил признание своей верховной власти. Для правления османскими владениями в Европе он назначил одного из сыновей Баязида I, Сулеймана. Таким образом, все турецкие владения «Рума» формально оказались включены в огромную империю Тимура. Однако Тимур умер в Отраре, что в Центральной Азии, 19 января 1405 года, и его империя вскоре распалась.

Для византийцев это означало передышку от османского окружения. Константинополь оставался греческим еще полвека.

Поражение и распад 1402 года завершило первый этап османской истории. Следующий период, продолжавшийся до восстановления и повторного объединения империи Мехмедом I, является десятилетним междуцарствием, во время которого происходили следующие события. У Баязида осталось пять сыновей. Четверо из них – Иса, Сулейман, Муса и вышеупомянутый Мехмед – уцелели при Анкаре, а пятый, Мустафа, исчез – вероятно, был убит в сражении. Мехмед обеспечил себе плацдарм в регионе Амасьи и Токата. Иса захватил власть в Бурсе. Сулейман был отправлен Тимуром в Румелию – таково было общее название европейских территорий. Муса был пленником в руках правителя Гермияна. Мехмед предложил Исе разделить между ними Анатолию, а когда Иса отказался, пошел на него войной. Иса потерпел поражение в сражении при Улубаде и укрылся у византийцев. Сулейман, которому не нравилось править одной только Румелией, послал войска в Анатолию под командованием Исы, который снова потерпел поражение от рук Мехмеда и погиб. В 1404 году Сулейман сам выступил в Малую Азию во главе армии, которая изгнала Мехмеда из Бурсы, а годом позже – из Анкары. Тем временем Муса был освобожден правителем Гермияна и объединился с Мехмедом, поставившим его во главе экспедиции, которая должна была атаковать Сулеймана в Румелии при поддержке сербов. Но Сулейман сумел остановить захватчиков у Константинополя и заставить их отступить. В 1410 году, однако, Муса успешно высадился в Европе. Войска Сулеймана, воспользовавшись благоприятной возможностью, взбунтовались. Применяемые им жестокие методы сделали его в высшей степени непопулярным. Сулейман бежал и вскоре после этого был убит. Муса, ставший, таким образом, хозяином Румелии, не желал признавать Мехмеда султаном. Его первым шагом стало нападение на сербов, на которых он возложил вину за свое предыдущее поражение от Сулеймана. Он также вторгся в Фессалию. Когда он потребовал дань от византийского императора Мануила, последний вступил в союз с Мехмедом против него. Это сначала скорее повредило, чем принесло выгоду византийцам. Мехмед был занят в Анатолии, его власть оспаривалась местными правителями в Смирне и Анкаре. После покорения этих нарушителей спокойствия Мехмед смог покарать Мусу. В 1412 году он вторгся в Румелию и наконец разгромил его армию в районе Чамурлу (недалеко от Софии). Это было в июле 1413 года. Поддержка сербов, которые присоединились к Мехмеду против Мусы, а также от греков, внесла весомый вклад в эту победу, сделавшую Мехмеда неоспоримым султаном вновь объединившейся империи. Свою благодарность им он выразил уступкой некоторых земель.

Мехмед I во время своего недолгого правления (1413–1421) столкнулся с отголосками этих потрясений. Его победа при Чамурлу устранила его последнего брата и соперника, но не бедствия, которые терпела империя. Страна была обескровлена вторжением Тимура и гражданскими войнами междуцарствия. Мусульманские массы пребывали в состоянии мрачного отчаяния. Это придало радикальные, даже отчасти социалистические тенденции религиозным чувствам, которые, как уже говорилось, были по большей части неортодоксальными, проалидскими, а иногда и чисто шиитскими. Такая обстановка благоприятствовала проповеднику, который мог предложить некий новый путь к спасению. Процветавшие ордена дервишей со

свойственными им несуннитскими культами теперь стали ядрами политико-сектантских движений, которые привлекали не только турок, но также немусульманское население – райя – идеологиями, привлекательными для христианских чувств. Мехмед I большую часть своего правления провел в действии, подавляя всплески общего недовольства. Авантюрист по имени Джунейд, захвативший власть и демонстрировавший независимость в Смирне во время проблемного междуцарствия, первым узнал, что новый султан, несмотря на молодость, вовсе не слабак. В 1414 году Мехмед нанес ему карающий удар и также наказал непокорного правителя Карамана. Значительно более серьезной была угроза со стороны движения, связанного с именем ученого шейха и бывшего судьи по военным делам (казаскера) Бедреддина ибн Кази Симавна (Симави). Отличившись в самом начале своей карьеры как богослов и правовед, он около 1400 года обратился к суфизму, стал дервишем и начал разрабатывать идеи, социалистические по своей природе. Он также предвидел союз исламской, христианской и иудейской вер. У него было много последователей. Более того, служа казаскером у Мусы, он был отправлен в Изник после победы Мехмеда и не испытывал добрых чувств к султану. Хронисты приписывают ему, отдельным социалистически настроенным крестьянским лидерам, среди которых достойны упоминания Бёрклюдже Мустафа и Торлак Ху Кемаль, а также правителю Синопа и воеводе Мирче Старому Валашскому ответственность за начало очень серьезного восстания 1416 года. Некоторые авторы утверждают, что оно было призвано свергнуть османскую династию. Это восстание определенно поставило Мехмеда в критическое положение, поскольку именно в это время его право на трон оспорил самозванец по имени Дюзме Мустафа, утверждавший, что он тот самый принц Мустафа, который пропал в битве при Анкаре. После того как правительственные войска, отправленные, чтобы подавить последователей Бедреддина, которые создавали проблемы в окрестностях Айдина, были разбиты в районе Кара-буруна (напротив Хиоса), где была база мятежников под командованием Бёрклюдже Мустафы, стала очевидной необходимость направить на этот фронт специальные крупные силы. В конце концов Бёрклюдже Мустафа и его сподвижники были схвачены и казнены. Сам Бедреддин был впоследствии схвачен в горном проходе через Балканы и 18 декабря 1416 года повешен в Саре, Македония. Его движение полностью не исчезло и еще полтора столетия действовало подпольно. Его участники присоединялись к сефевидам, проявлявшим политическую активность, или к орденам дервишей. Что касается Дюзме Мустафы, его карьере смутяна был положен конец только при следующем султани. Мехмед I также столкнулся с Венецией, подданные которой на Эгейских островах отказались ему подчиниться. Ему пришлось отказаться от этих претензий, когда его морская эскадра 21 мая 1416 года была разбита у Галлиполи венецианским флотом, которым командовал будущий дож Лоредано. А Мехмед обеспечил свое признание султаном и верховным правителем большинства европейских и анатолийских данников. Поэтому его по праву считают человеком, восстановившим Османскую империю. Он умер молодым в 1421 году в своей столице Эдирне. Его правление сопровождалось постоянными войнами и с точки зрения культуры не было плодотворным. Однако Зеленая мечеть, построенная для него в Бурсе, заслуживает упоминания.

В лице сына и преемника Мехмеда Мурада II (правил в 1421–1451 годах) империя получила способного и решительного правителя, который к тому же уважал закон и обладал мирным характером. Для него война была неизбежным злом, а не составной частью жизни. Тем не менее он был обязан защитить свой трон от претензий Дюзме Мустафы, так же как и своего младшего брата, который имел последователей в Анатолии. Утверждают, что византийский император Мануил тайне поддерживал этих раскольников. Дюзме Мустафа вскоре потерпел поражение и был убит войсками Мурада II, и порядок в Малой Азии был восстановлен. Строптивый принц Синопа наконец покорился и был вынужден уступить Османской империи часть своей территории. К 1425 году появилась возможность освободить Смирну от авантюриста Джунейда, который в этом же году потерпел сокрушительное поражение и был казнен. Тер-

пимые отношения, существовавшие между Византийской империей при Мануиле Палеологе и Османским султанатом, были нарушены сомнительной ролью византийцев в интригах лже-Мустафы. Мурад II решил, что должен получить компенсацию, и потребовал от византийцев уступки Салоник, которые оставались анклавом под их управлением. Чтобы не допустить этого, византийское и венецианское правительства поспешно заключили договор, по которому город в 1427 году был продан Венеции. Мурад осознавал, что его провели. Но он был еще недостаточно силен, чтобы прибегнуть к военной силе. Поэтому он неохотно согласился признать новый статус города в обмен на выплату дани. Тем не менее он намеревался при первой же возможности покорить Салоники. Довольно скоро начались стычки между новым усиленным османским флотом и венецианскими аванпостами на Эгейских островах. В начале 1430 года Мурад решил, что пришло время напасть на Салоники. И он не ошибся, поскольку в конце марта или начале апреля город был взят осадившими его османами. Но только разрушения и людские потери были так велики, что прошло еще много лет, прежде чем в него вернулось процветание.

Предвидя возможность конфликта империи с ее северными и западными соседями, в первую очередь с Венгрией, Мурад II продолжал накапливать военную мощь. Во время его правления существенно возвысились янычары, став элитой османских войск. Вопрос, когда именно корпус возник, является весьма туманным. Он оброс множеством легенд, и современные ученые на него пока еще не ответили. Даже если согласиться с тем, что Мурад II не был его основателем, все равно он был тем султаном, который превратил янычар в могучий инструмент войны, игравший большую роль в делах империи вплоть до кровавой ликвидации корпуса в 1826 году. Янычары были не турками, а сыновьями балканских христиан, отобранными у них, согласно призывной системе, считавшейся «дьявольски изобретательной». Юноши, отобранные по лучшим физическим и умственным данным специальной призывной комиссией, которая объезжала территории раз в два года, увозились из дому, обучались исламским традициям и военному делу, подчиняясь строжайшей дисциплине. После этого их использовали как телохранителей султана, а также на других службах. Определенные регионы – грубо говоря, это Малая Азия, Греция и позже Константинополь, а также захваченная Венгрия – освобождались от этой повинности. Больше всего от нее страдали балканские славяне и албанцы. С другой стороны, способных янычар, несмотря на их происхождение, могла ожидать блестящая карьера. Начиная со времен Мурада II и далее «набор мальчиков» (девширме) – так называли в народе эту повинность – обеспечивал постоянный резерв людской силы для высоких должностей в османском государстве. Османская история изобилует примерами рекрутов-христиан, которые поднялись по служебной лестнице янычар до самого высокого положения. Несомненно, подобные случаи несколько смягчали негодование отдельных семейств и целых народов против жестокости такой системы. Впоследствии султаны обнаружили, что янычары могут быть опасными; они составляли отдельную и могущественную военную группировку, а также удивительным образом связались с еретическим и демагогическим суфийским орденом Бекташи, имевшим среди них большое влияние. Не только корпус янычар, но и другие части вооруженных сил извлекли пользу из усилий Мурада II по наращиванию османской военной мощи. Во время его правления появилось первое огнестрельное оружие. Но артиллерия приобрела настоящую важность только при его сыне Мехмеде II.

Общий характер османского государства при Мехмеде II начал существенно меняться. Когда султан открыл высшие военные и дворцовые должности для нетурецких ренегатов, то есть представителей покоренных народов, которые были или набраны в корпус янычар, или добровольно приняли ислам в поисках выгоды, или согласно убеждениям, прежняя социальная структура стала распадаться, а политическая власть турецких группировок уменьшаться. Правящий класс все больше становился нетурецким. Старые турецкие благородные семейства, некогда фактически монополизировавшие высшие функции, оказались не у дел. Теперь им

принадлежала лишенная влияния и власти, но не процветания роль землевладельцев, живущих в своих поместьях. Процесс, заверченный при Мехмеде II, шел не без сопротивления, правда безуспешного. Он мог быть источником внутренних трений, которые, возможно, лежали в основе интересного случая (о котором будет сказано позже) – временного отказа Мурада II от трона. Правление Мурада не было избавлено от религиозных ссор. Согласно дошедшим до нас документам, хуруфиты – еретическая секта персидского происхождения, названная так, потому что ее члены придавали сверхъестественное значение буквам (хуруф) арабского алфавита, были особенно активны.

Османское правительство начиная со времен Мурада или, возможно, еще раньше использовало эффективную тайную службу, получая точную информацию о событиях в христианской Европе. Агенты султана проникали в королевские свиты, советы итальянских городов-государств и даже в римскую курию. В такой деятельности им часто оказывали помощь коммерческие предприятия итальянских республик, которые, всячески стараясь навредить конкурентам и сохранить или расширить свои владения в Леванте, активно плели интриги, которые в конце могли только принести выгоду их общим османским врагам. В детали мы вдаваться не будем. Следует отметить прогрессирующую в конце Средних веков «детуркизацию» османской династии, или, во всяком случае, текущей в ее жилах крови. Особые традиции королевских браков и отношений в целом не позволяли турецким женщинам становиться женами султанов. Большинство следующих монархов династии были сыновьями рабынь самых разных национальностей. Уже при Мураде II принцы и принцессы были «полукровками» и часть текущей в их жилах турецкой крови была весьма невелика. Это объясняет удивительное разнообразие физических и психологических типов потомков Османа.

Процесс «детуркизации» шел и в интеллектуальной жизни империи. В прозе и поэзии все чаще использовались персидские стили и темы как модели, когда язык сочинения был турецким, причем с той же тщательностью, как если произведение создавалось на персидском языке. В теологии и юриспруденции пальма первенства принадлежала арабскому языку. Литературный турецкий язык уже выказывал признаки арабо-персидской напыщенности, которая воцарилась в XVI и XVII веках.

Другой достойной упоминания чертой османской жизни при Мураде II был рост влияния орденов дервишей. Сам султан благоволил к ним. Он особенно высоко ценил орден, к которому ортодоксальный суннитский ислам относился с большой подозрительностью. Это орден мевлеви – танцующих (кружащихся) дервишей. Его члены считали своим предком великого персидского мистического поэта по имени Мавлана Джалал ад-Дин Руми из Коньи (умер в 1273 году). Постепенное расширение бреши между ортодоксией и суфизмом в более поздние времена имело серьезные политические последствия.

Мурад II также запомнился своей строительной активностью, особенно в столице – Эдирне, которая обязана ему большим количеством прекрасных зданий, таких как мечеть Юч Шерефели и дворцы на островах реки Тунджа.

В 1438 году Мурад II счел, что его могущества достаточно для кампании против Венгрии; он сумел захватить крепость Семендрия (Смедерево) на Дунае. Двумя годами позже он неудачно осаждал Белград. Теперь западный христианский мир понял, что медлить больше нельзя и необходимо остановить продвижение османских армий на запад. Обращение папы Евгения IV зажгло новый крестоносный дух, особенно в Венгрии, Польше, Германии и Франции. В 1442 году мадьярский национальный герой Янош Хуньяди разгромил османскую армию в районе Надьзбена (Германштадт, Сибиу) в Трансильвании. А в 1443 году Георгий Кастриоти (Скандерберг) начал свою 23-летнюю борьбу против турок за независимость Албании. Таким образом, Мурад оказался втянут в войну на два фронта, к которым в 1443 году добавился еще и третий фронт – в Малой Азии – против караманлидов, давних противников османского господства, которые, возможно, по соглашению с западными врагами Османской империи, взяли

в руки оружие. В том же году Янош Хуньяди возглавил большую крестоносную армию, выступившую на турок. Христиане разгромили турок в сражении, имевшем место на участке между Софией и Пловдивом, но не смогли развить успех. Ликование, начавшееся в Европе по поводу победы, явно оказалось преждевременным. Тем не менее Мурад посчитал необходимым начать переговоры и принять условия десятилетнего мира, заключенного в 1444 году в Сегеде, по которому Дунай стал границей, а Валахия перешла под венгерскую власть. Османскую империю потрясло еще одно неожиданное событие. По причинам, пока еще точно не установленным, Мурад передал султанат своему сыну Мехмеду II, тогда еще совсем юному, и удалился в Манису, что в Малой Азии. Некоторое время правительство находилось в руках кронпринца. Однако в 1444 году Сегедский мир был нарушен подписавшими его христианскими сторонами. Этот шаг, предпринятый вопреки советам Яноша Хуньяди, много обсуждался венгерскими и польскими историками. Судя по всему, его причиной стало отрицание любых сделок с мусульманами, хотя пограничные споры тоже имели место. Великий визирь поспешно вызвал бывшего султана и отослал кронпринца правителем в Манилу. Большая, в основном мадьярская армия под командованием Яноша Хуньяди и юного венгерского короля Ласло выступила через Балканы к Черному морю, откуда, согласно плану, венецианский флот должен был ее доставить к Константинополю. Только венецианский флот не прибыл. Вместо него подоспел Мурад II с османской армией, чтобы скрестить мечи с крестоносцами у Варны. Сражение, которое произошло 9 ноября 1444 года, сначала складывалось благоприятно для крестоносцев, но завершилось их поражением, в основном из-за безрассудства короля Ласло, который лишился жизни. Палеологи были наказаны в 1446 году, когда султан напал на их владения на Пелопоннесе, уничтожил Гексамилон на Коринфском перешейке и аннексировал Коринф и Патры. Двумя годами позже, в 1448 году, Янош Хуньяди, после смерти Ласло ставший регентом Венгрии, снова вторгся на османскую территорию в надежде на отмщение за разгром в Варне. Он встретил армию Мурада II на том же Косовом поле, которое уже видело триумф османов, и был разгромлен. После сражения Хуньяди некоторое время удерживался в плену сербами, враждебными мадьярам. В конце концов он сумел организовать подписание еще одного договора между венграми и османами, правда на невыгодных для Венгрии условиях. Борьба в Албании тем временем шла не самым благоприятным образом для турок, которым пришлось в 1450 году прекратить осаду крепости Скандерберга Круя.

Внезапная смерть Мурада II от удара 3 февраля 1451 года привела к переходу власти к его сыну Мехмеду II, которому теперь уже было двадцать лет. Он впоследствии стал одним из самых значительных монархов как османской, так и мировой истории. По характеру он был автократ, жестокий и бескомпромиссный человек, совершенно непохожий на отца. Ему предстояло завоевать Константинополь и основать новую империю. Он расширил границы империи до Адриатического моря и Иранского плато и сориентировал передовые отряды для удара прямо в сердце христианской Западной Европы.

Первой акцией тридцатилетнего правления (1451–1481) Мехмеда II стало удушение его младшего брата Ахмеда – чтобы не было риска гражданской войны за трон. Появившийся таким образом прецедент стал неписаным законом османской династии, султаны которой до 1595 года регулярно приказывали ликвидировать своих братьев и сводных братьев. Могла быть и другая причина этой варварской османской практики. При восхождении на трон Мехмеда II и каждого следующего правителя янычары получали – точнее, вымогали – бонус, своего рода подарок за воцарение, сверх своей обычной платы. Их влияние было так велико, что ни один султан не смел им отказать. Возникла опасность, что янычары пожелают увеличить количество таких подарков, по своей воле свергая султанов и возводя на их место других османских принцев. Но если ни одного подходящего принца не будет в живых, опасность сама собой исчезнет. Неизвестно, имел такие мысли Мехмед или нет, но в любом случае его действия демонстрировали полное отсутствие сентиментальности. Затем он ввязался в войну, подавляя

мятеж в Малой Азии, где правитель Карамана снова бросил вызов османскому господству, уверенный, что смена правителя, как и в прошлом, будет сопровождаться внутренними беспорядками. Такая ситуация вынудила последнего императора дома Палеологов, Константина XI, сделать неразумный шаг. Со времени правления Мурада II он держал в плену османского принца по имени Орхан, на содержание которого получал субсидию османского правительства. Константин потребовал значительно увеличить эту субсидию, угрожая в противном случае отпустить Орхана, который станет претендентом на османский престол. Этот опрометчивый поступок импульсивного византийского правителя решил судьбу его государства и династии. Первым делом Мехмед упрочил свою власть, устроив нечто вроде экономической блокады Константинополя. Он построил мощную крепость Румелихисар на европейской стороне Босфора и потребовал от всех судов, идущих в город, большой сбор. Когда император направил к нему послов с протестом против строительства крепости, султан приказал их обезглавить, тем самым, по сути, объявив войну. Для этой последней битвы османы собрали большую армию, в которую вошел артиллерийский контингент, удивительно сильный для того времени. В нем были большие пушки, отлитые трансильванским мастером Урбаном. Западные христианские эксперты, по большей части итальянцы, давали советы султану, как лучше осадить метрополию восточных христиан, и их предложения в немалой степени способствовали его успеху. Только генуэзцы с острова Хиос оказывали некоторую помощь византийцам. В Западной Европе высказывались серьезные опасения, но никто не спешил действовать. Поспешно составленные планы воссоединения католической и православной церкви, которое папа считал обязательным предварительным условием западной помощи византийцам, ни к чему не привели, по причине яростного народного сопротивления, организованного ортодоксальными монахами. Город обстреливали пушки Мехмеда, а его жители говорили: «Лучше турецкий тюрбан, чем католическая митра». После двухмесячной осады османы взяли Константинополь и ознаменовали это событие массовыми убийствами 29 мая 1453 года. Эту дату многие историки считают концом Средневековья и началом Нового времени. Подкрепление, все-таки собранное западными христианскими державами, еще находилось в море, когда город пал. Последний римский император, Константин XI, пал в бою. На куполе собора Святой Софии, построенном по приказу императора Юстиниана в 532 году, крест сменился полумесяцем, и Константинополь – Стамбул – стал столицей Османской империи, коей и оставался до 1922 года.

Новые правители всеми силами старались населить Константинополь турками, а также возвращавшимися в город греками, балканскими славянами и другими выходцами из Малой Азии. Они также пытались реорганизовать османскую систему управления по греческой модели. Греческие семейства, обосновавшиеся в районе Фенер, впоследствии сыграли важную роль в османском государстве. В основном они выполняли функции переводчиков для Блистательной Порты. Покоренные народы – райя – имели право сохранить свою религию и обычаи и использовать собственный язык. Согласно исламским прецедентам, они были отданы под юрисдикцию своих религиозных чинов. Во главе ортодоксального сообщества стоял патриарх Геннадий, грек, яростный противник Рима, который составил для султана ценный трактат о христианских верованиях и практиках. Любопытство Мехмеда к христианской религии подсказывалось исключительно политическими соображениями, но было достаточно, чтобы инициировать широко распространившийся в Западной Европе слух о том, что в душе он христианин. Истина, вероятнее всего, заключалась в том, что он был свободомыслящим человеком, а официально стремился заручиться поддержкой – и получал ее – суннитских улемов. С западными морскими государствами, тогда представленными в Стамбуле, среди которых особое место занимала Генуя, отношения регулировались торговыми договорами, согласно которым они могли продолжать свою торговую деятельность, выплачивая соответствующие сборы. С другой стороны, немало городских ученых бежали до взятия Константинополя или сразу после

него в Италию, где внесли большой вклад в возрождение интереса к классической Античности, связанного с итальянским Возрождением.

Вытащив византийскую колючку из сердца своей империи, Мехмед II, которого теперь называли Фатих (Завоеватель), мог подумать о будущих завоеваниях. Принимая во внимание состояние Западной Европы, у него имелись все основания считать открывшиеся перед ним перспективы благоприятными. Бессмысленные войны католиков между собой, их тупое неприятие опасности, получение злорадного удовольствия от несчастий других и самоубийственная склонность к предательству стали самым сильным оружием Мехмеда против его западных христианских противников. Если бы не это, представляется сомнительным, что даже он – в высшей степени эффективный и совершенно беспощадный человек – смог бы добиться таких впечатляющих результатов. Он никогда не испытывал затруднений в нахождении повода для своих действий и в 1455 году выступил во главе армии в сторону Балкан. Айнос (Энез), что недалеко от устья Марицы, был отобран у генуэзцев в 1456 году, и началась кампания по завоеванию сербов. Их правитель Георгий Бранкович был вынужден покинуть страну. Он нашел убежище в Венгрии у Яноша Хуньяди, который как раз получил подкрепление – прибыла исполненная энтузиазма, но плохо оснащенная армия крестоносцев, которую собрал красноречивый францисканец Иоанн Капестран. В битве, состоявшейся 22 июня 1456 года, они освободили Белград от осаждавших его османов и вынудили Мехмеда отойти. Однако спустя несколько недель сначала Хуньяди, а потом Капестран умерли, а Бранкович последовал за ними в 1458 году. Отсутствие главных лидеров облегчило задачу Мехмеда в Сербии, которая была покорена с большой жестокостью. В 1459 году она была объявлена османской провинцией. В процессе набегов в западном направлении османские войска проникли на север Адриатического побережья. Части Пелопоннеса (Морея), которые еще удерживались Палеологами, также были покорены Мехмедом II в 1460 году. В Албании неукротимый Скандерберг получал помощь от Неапольского королевства и папского государства, а с 1468 года также от Венеции. В 1460 году Мехмед даровал ему десятилетний мир при условии выплаты дани.

В Малой Азии в 1461 году были предприняты действия против Комнинов Трапезунда, потомков ранней византийской династии, которые сохраняли независимость и состояли в дипломатических и матримониальных отношениях с Узун Хасаном, главой туркменской племенной конфедерации Ак-Коюнлу (Белый баран) и правителем Эрзинджана. После завоевания и аннексии Синопа Мехмед сумел без труда ликвидировать независимость Трапезунда, поскольку Ак-Коюнлу были еще недостаточно сильны, чтобы бросить вызов османской армии, и не оказали эффективной помощи своим греческим союзникам. Брешь между Узун Хасаном и Мехмедом была временно устранена благодаря дипломатическим усилиям матери туркменского правителя.

Королевство Босния, которое раньше признавало османское господство, было ликвидировано в 1463–1464 годах. После этого османское правление прочно утвердилось в большинстве частей Боснии и Герцеговины, где местная знать в основном перешла в ислам. На севере османам часто бросали вызов мадьяры – пока Венгрия оставалась независимой. Год 1463/64 стал свидетелем начала затяжной войны с Венецией, которая уже неоднократно сталкивалась с султаном после его интервенции в Морею. В ранние годы этой войны албанский вождь Скандерберг, нарушивший мир с османами, снова сыграл видную роль. Северная Албания стала ареной ожесточенного, хотя и маломасштабного, конфликта, и Круя снова выдержала османскую осаду. Однако после неожиданной смерти Скандерберга 17 января 1467 года мечты о независимости Албании развеялись. Чтобы утвердить свое господство, османы за тридцать дней возвели крепость. Албанцы не утратили свободолюбия, однако с течением времени среди них широко распространился ислам, и многие сыны этого маленького народа добились высоких постов на османской службе, став военачальниками и визирями.

Натиск османов на разбросанные венецианские аванпосты в Албании и Греции истощил силы итальянских республик. Надеясь втянуть Мехмеда в войну на два фронта, синьория Венеции заключила союз с Узун Хасаном, однако трудности, связанные с организацией совместных действий, оказались непреодолимыми. Лига итальянских государств, созданная предположительно для совместной обороны против турок, оказалась бесполезной. На самом деле Венеция оказалась один на один с врагом. Летом 1470 года османские войска высадились на Эвбее и штурмом взяли Негропонте (Халкиду), самую старую и сильную венецианскую базу в Леванте. Двумя годами позже османам стал угрожать с востока Узун Хасан. Захватив в 1466–1469 годах власть над Западным Ираном, Ираком и Джазирой, туркменский правитель начал наступление на Токат и Кайсери. В начале 1473 года Мехмед II лично выступил против него. Узун Хасан вначале разгромил авангард турок, но сам потерпел поражение, встретившись с главными силами армии Мехмеда в конце лета в районе Эрзинджана. Тем не менее он сумел организованно отступить, уведя большую часть своих сил, и Мехмед не стал его преследовать – это было слишком рискованно. Частичная победа в Эрзинджане стала важным успехом Мехмеда, поскольку Ак-Коюнлу больше не осмеливались, несмотря на настойчивые требования венецианцев, вторгаться на османскую территорию. Более того, в их собственной империи было достаточно много проблем, чтобы не отвлекаться ни на что другое. Разобравшись с Киликией и другими буферными государствами в 1474 году, Мехмед посчитал, что его восточный фланг в безопасности и можно подумать о продвижении в западном направлении. В этот самый момент перед ним открылось новое поле деятельности. Он получил просьбу о помощи от некоторых татарских вождей в Крыму, которые не могли найти общего языка с местными генуэзскими колониями. У генуэзцев давно имелись торговые поселения на северном берегу Черного моря, центром которых была Каффа (впоследствии Феодосия). Они были в хороших отношениях с крымским ханом Менгли Гераем (Гиреем). Когда хан принял сторону генуэзцев в спорах, Мехмед воспользовался возможностью вмешаться. Каффа сдалась османскому флоту 6 июня 1475 года, и Крымское ханство стало вассалом Османской империи. Генуэзская торговля на Черном море была разрушена. Это событие имело большую историческую важность не только для татар и генуэзцев, но также потому, что оно знаменовало закрытие последнего оставшегося пути из Западной Европы в Индию и на Дальний Восток, еще не контролируемого османами или мамлюками. Падение Каффы явилось одним из факторов, придавших безотлагательность поискам европейцами новых путей в Индию в век открытий. Война Мехмеда II с венецианцами завершилась в 1479 году, когда гордой республике пришлось принять бесславный мир. Венецианцы уступили острова Эвбея и Лемнос, а также разные владения в Морее и на албанском побережье. Они купили свободу своей торговле в Леванте, согласившись выплатить военную контрибуцию в размере 100 000 дукатов и ежегодную дань – 10 000 дукатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.